

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

Т.Д. СКРЫННИКОВА*

Значение двойных этнонимов в тюрко-монгольском мире

В статье рассматриваются идентификационные практики монголов периода формирования Монгольской империи. По отношению к общности, к которой принадлежал Чингис-хан, применялся парный этноним кият-борджигин. Детальное исследование позволяет говорить о том, что основными участниками борьбы за власть от Хабул-хана до установления Чингис-ханом династийного правления представителей своего рода были монголы (они же кияты) и тюрки (они же тайджиуты, нукузы или чонос и борджигин), точнее, возглавляемые этими этническими группами объединения, представлявшие собой полиэтничные сообщества. С одной стороны, подчеркивается единство (монгол-тайджиут или кият-борджигин) общности при лидерстве монголов, с другой, — часто не только первые, но и вторые выступают как самостоятельные субъекты политической практики.

Ключевые слова: Монгольская империя, правящая элита, кият-борджигин, монголы-тайджиуты.

DOI: 10.25882/v590-wf57

Несмотря на многовековой интерес к Монгольской империи и ее основателю — Чингис-хану, остается неотрафлексированным наименование правящего рода двойным этнонимом — кият-борджигин, которым обозначался правящий клан. Интерес представляет тот факт, что в «Тайной истории монголов» это обозначение не встречается, хотя исследователи активно пользуются им при описании Монгольской империи XIII в. И я хотела обратить внимание на понимание той общности, которая всеми привычно называется монголами. В иден-

* Татьяна Дмитриевна СКРЫННИКОВА — доктор исторических наук, профессор, зав. Отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург); skryta999@mail.ru

тификационных практиках социально-политических образований в тюрко-монгольском мире нередко встречается употребление двойных этнонимов по отношению к обозначению кочевых сообществ. В свое время на это обратил внимание С.Г. Кляшторный, предложивший интерпретацию известного обозначения древних тюрков как *кёк тюрк*: «Упоминание в орхонских памятниках сочетания *кёк тюрк*, интерпретируемого как „кёки и тюрки“ (а не „голубые/синие тюрки“, как считалось прежде. — Т.С.), „ашина (хотано-сакская этимология слова со значением ‘синий’. — Т.С.) и тюрки“, позволяет констатировать присутствие в древнетюркских памятниках имени царского рода тюрков и возможное осознание ими, во всяком случае для почти легендарного времени первых каганов, двухсоставного характера тюркского племенного союза» [Кляшторный, Савинов, 1994: 14].

Можно говорить об архетипичности подобных идентификационных практик, отмеченных С.Г. Кляшторным, что подтверждает и опыт монгольских кочевников. Сложение кочевого ядра Монгольской империи характеризуется тем, что в процесс вовлекались народы разной этнической принадлежности, что привело к тому, что даже властная элита представляла собой полиэтническое сообщество и часто обозначается как целостность кият-борджигин.

Как я упоминала, двойной этноним кият-борджигин (двойная идентичность правящей элиты) совершенно не встречается в «Тайной истории монголов», это идентификационный маркер Рашид-ад-дина, настойчиво утверждавшего приоритет монголов во власти, и упоминается им этот парный этноним в связи с Есугэй-багатуром. Вспомним случаи упоминания Рашид-ад-дином двойного этнонима.

1. «...Несмотря на то, что Чингиз-хан, его предки и братья принадлежат, согласно вышеупомянутому [своему] авторитету, к племени кият, однако прозванием детей Есугэй-бахадур, который был отцом Чингиз-хана, стало Кият-Бурджигин; они — и кияты, и бурджигины» [Рашид-ад-дин, 1952а: 155].

2. «Третий сын был Есугэй-бахадур, который является отцом Чингиз-хана. [Племя] кият-бурджигин происходит из его потомства» [Рашид-ад-дин, 1952б: 48].

3. «...хотя они происходили из племени нирун-кият и чистого рода Алан-Гоа и появились на свет от прямого ее потомка в [шестом] колене, Кабул-хана, называют кият-бурджигин. Их происхождение таково: они народились от внука Кабул-хана, Есугэй-бахадур, отца Чингиз-хана» [Рашид-ад-дин, 1952а: 152–153].

Этническая принадлежность к борджигин не приписывается больше никому, кроме Есугэй-багатура, она просто не упоминается в других контекстах. Если первые два упоминания связаны с личностью Есугэй-багатура, то в третьем примере мы видим расшифровку его генеалогии. В дополнение к тому, что в нем происхождение кият-борджигин опять приписывается Есугэй-багатуру, во-первых, в качестве его предка указывается Кабул-хан; во-вторых, следует подчеркнуть, что их происхождение связывается с Алан-Гоа, т.е. учитывается матрилиатеральная система родства для общности кият.

Что же конструировалось в Монгольской империи парой маркеров *кият* и *борджигин*?

Поскольку целью источников было показать легитимность власти Чингис-хана и его потомков, то именно в его генеалогии, а не по линии старших потомков Бодончара, имплицитно указывается на связь с предками через воспроизведение этнонимов. В «Тайной истории монголов» этноним «киян» упоминается в пяти случаях: трижды в имени Монгэту-Киян, что означает «Киян — владыка (досл.: владеющий) монголов», т.е. клан киян лидирует в общности монголов. В кочевом обществе, где генеалогия является регулятором внутри- и межклановых отношений через ритуальную практику или брачные связи, эпоним часто заменяет имя. Так, в § 50 «Тайной истории монголов» перечисляются сыновья Бартан-багатура, из чего мы узнаем, что Монгэту-Киян был старшим братом Есугэй-багатура [Козин, 1941: 84], отца Чингис-хана, т.е. дядей последнего. В этом имени, на мой взгляд, соединены два равноуровневых таксона — монгол и кият. Если последний является отражением гентильного сознания (идентичности), то первый обозначает общность гетерогенного характера — этническую. В таблице, отражающей Бартан-багатура и его детей, под именем его старшего сына Мунгэду-Кияна написано: «Все кияты происходят из потомков этого Мунгэду-Кияна» [Рашид-ад-дин, 1952б: 49].

Единой упоминается с этнонимом киян Есугэй — Есугэй-Киян [Rachewiltz, 1972: 26], и еще раз этноним встречается в «Тайной истории монголов» в словосочетании *кият иргэн*, т.е. кияты (-*т* — показатель мн.ч.) или племя кият, связанном с именем Есугэя, который был харизмой этого племени (*kiyat irgen-ü sülder* [Rachewiltz, 1972: 25]). Одновременно Есугэй, как и его брат Монгэту-Киян, был монголом, т.е. назывался таковым.

Этноним «кият» становится ведущим в конструировании истинной монгольскости — «нируны, которых также называют киятами» [Рашид-ад-дин, 1952а: 78–79]. Рашид-ад-дин подчеркивал, что только

племена, которые принадлежат к нирунам, являются монгольскими: «Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при [всем] различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы, — [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, — все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуется [этим именем] — а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен. Так как в отношении их была [проявлена] божественная милость в том смысле, что Чингиз-хан и его род происходит из племени монголов и от них возникло много ветвей, особенно со времени Алан-Гоа, около трехсот лет тому назад возникла многочисленная ветвь, племена которой называют нирун и которые сделались почтенны и возвеличены, — [то] все стали известны как племена монгольские, хотя в то время другие племена не называли монголами» [Рашид-ад-дин, 1952а: 102–103].

Уже после смерти Чингис-хана Джувейни писал в 1260 г.: «Монгольские племена и роды многочисленны; но самыми знаменитыми сегодня стали кияты, возвысившиеся над другими благодаря своему благородству и величию, вождями которых были предки и прародители Чингисхана и от которых он ведет свой род» [Чингисхан, 2004: 25].

Как видим, происхождение нирунов, к которым принадлежали кияты, и особенно последних, связывают с именем Алан-Гоа, о чем уже упоминалось выше. Партнером, от связи с которым у Алан-Гоа родились сыновья, положившие начало множеству потомков, был светло-русый человек, который проникал в ее юрту через дымник и покидал ее через дверь в виде желтого пса.

К какому клану этот человек-собака мог принадлежать? Из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина известно о клане нукуз (*нукуз* — мн. ч. от *нохой* — «собака»). Как известно, синонимичность собаки и волка является достаточно распространенным архетипом традиционной культуры: семантическая взаимозаменяемость образов собаки и вол-

ка, хорошо известная по этнографическим данным и фольклору, делает принципиальной жесткую идентификацию «сакрального животного». В символике волчьих мужских союзов широко представлены сюжеты о покровительстве мужским союзам собаки-волка, об уподоблении их членов волкам или псам. Волк в качестве первопредка или героя является довольно распространенным архетипом традиционной культуры не только на востоке Евразии. К тому же довольно часто волка обозначают только определением «серый», что отсылает нас к значению этнонима «борджигин».

Следует обратить внимание на лексему *бор*, общую для имени мифического прародителя Бортэ Чино и этнонима борджигин. Данная лексема является одним из вариантов слова алтайской языковой семьи: *бор/боро* = «серый» по-тюркски и по-монгольски, где вариант *боро* — *буру/ml* может означать волка [Севортян, 1978: 171–173, 193]. «Можно, по-видимому, условно говорить о „смешении“ двух лексических основ: бор „мел“ и бор „серый цвет“, боз „серый“, „беловатый“, „отливающий белым“. О „смешении“ говорят также сами формы: бора/боро и аналогичные им в составе форм для боз „серый“» [Севортян, 1978: 193]. «У лексемы боз–бор–боро широкий ареал, который охватывает все алтайские языки, по мнению же В.И. Абаева, она восходит к старому субстратному евразийскому слову» [Севортян, 1978: 173]. Примеры, приведенные здесь же составителем словаря, демонстрируют взаимозаменяемость слов [Севортян, 1978: 171–173].

Брачные партнеры-мужчины маркируются рядом этнонимов, одним из которых был борджигин, где *бор* означает «волк». В свою очередь, этноним борджигин встречается в «Тайной истории монголов» трижды: дважды в имени Борджигидай-Мэргэн [Rachewiltz 1972: 13] — эпониме, который означает «Мэргэн — владыка (досл.: который владеет) борджигинов»; и один раз этноним борджигин упоминается в связи с Бодончаром, который называется «владыкой родов, составляющих общность борджигин» (монг. *Bodoncar borjigin oboqtan bolba* [Rachewiltz 1972: 20]). Но нельзя не вспомнить, что женой Борджигидай-Мэргэна была Монголджин-Гоа. Поскольку здесь отмечается брачная связь кланов борджигин и монгол, а браки в монгольской средневековой среде были экзогамными, то можно констатировать невозможность включения клана борджигин в монгольское племя. Напротив, это две разные группы. Если сторона женщин маркируется именем «монгол» и сопутствующими ему этнонимами, то брачные партнеры мужчины — рядом других этнонимов, семантический ряд которых можно расширить.

Согласно «Тайной истории монголов» (§ 57), в интронизации Ху-тула-хагана участвовали монголы и тайджиуты. Значение последнего этнонима, произошедшего от *тайчи/тойчи*, в тюркских языках известно: в алтайском героическом эпосе имя героя звучит как Ак-Тойчи (Белый Волк). Можно также вспомнить часто упоминаемое Рашид ад-динном генетическое родство тайджиут–нукуз–чино, что демонстрирует синонимичность собаки и волка. Рашид-ад-дин упоминает род «чинос, который называют также нукуз» (Рашид-ад-дин, 1956а: 78). Идентичность тайджиутов моделируется другими кодами: сведения о нукуз содержатся в разделе о тайджиутах; в одном случае говорится, что племя чинос из племени тайджиут, в другом — что они (чино) являются предками племени тайджиут (Рашид-ад-дин, 1956а: 88, 155–156, 183–184). Можно с большой долей уверенности говорить о предках Чингис-хана по мужской линии, обозначенных в источниках разными кодами (Бортэ-Чино — борджигин — нукуз/нохай — чино — тайджиут = волк/собака), маркировавшими идентичность широкой общности на тюркских языках. Именно поэтому мы можем определить этническую идентичность этих групп как тюрков. Безусловно, эти значения этнонимов позволяют предполагать включенность групп в общность, моделируемую авторами средневековых текстов рядом: борджигин–тайджиут–нукуз–чино, что также воспроизводит пары: тайджиут — монгол = нукуз — кият = борджигин — монгол/кият = мужское — женское = желтая собака — Алан-Гоа = Бортэ-Чино — Гоа-Марал = Борджигидай — Монголджин-Гоа, т.е. архетип сохраняется во всех парах.

И последнее. Следует обратить внимание на имена первопредков — Бортэ-Чино и Гоа-Марал, где первая часть передает наименование животного на родном языке, тогда как вторая — на языке брачного партнера: Бортэ — «волк» в тюркских языках, Чино — в монгольских, тогда как Гоа — «олениха» в монгольском (тунгусо-маньчжурских) [Крадин, Скрынникова, 2006: 187]. Соответственно, Бортэ-Чино означает Волк-Волк, а Гоа-Марал — Олениха-Маралуха, причем составная часть имени — Гоа — маркирует жен-монголок, что нашло отражение и в следующих именах: Борджигидай-Мэргэн — Монголджин-Гоа, Желтый пес — Алан-Гоа.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в генеалогии как в «Тайной истории монголов», так и в «Сборнике летописей», подчеркиваются две взаимобрачующиеся группы, выраженные разными кодами: по мужской линии отмечается связь с волком/собакой (Бортэ-Чино — борджигин — чино — нукуз/нохой — тайджиут), а по женской — с маралухой (Гоа-Марал — нирун — кият — монгол).

На мой взгляд, парный этноним кият-борджигин несет в себе тот же смысл, что и монголы-тайджиуты в интронизации Хабул-хана: маркирует общность, лидерство в которой принадлежит первому члену пары, т.е. монголам, киятам. Можно с большой долей уверенности утверждать, что этнонимы «кият» и «борджигин», так же как «монгол» и «тайджиут» выступают как обозначение воинского союза, которому присуща амбивалентность: с одной стороны, подчеркивается единство (монгол-тайджиут или кият-борджигин) общности при лидерстве монголов, с другой — часто не только первые, но и вторые выступают как самостоятельные субъекты политической практики.

Литература

- Кляшторный, Савинов, 1994 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Козин, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
- Крадин, Скрынникова, 2006 — *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингисхана. М., 2006.
- Рашид-ад-дин, 1952а — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952.
- Рашид-ад-дин, 1952б — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952.
- Севортян, 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву Б. М., 1978.
- Чингисхан, 2004 — Чингисхан. История Завоевателя Мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с англ. Е.Е. Харитоновой. М., 2004.
- Rachewiltz, 1972 — *Rachewiltz Igor de.* Index to The Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972.